

отсутствуют, равно как и о предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу. Промышленность Брестчины в силу своей специализации оказалась вне сферы интересов иностранного капитала, который, как известно, активнее всего проникал в лесоперерабатывающую промышленность и текстильное производство.

Строительство железных дорог и развитие промышленности содействовало росту численности жителей города. В 1897 году Брест по численности населения сравнился с Гродно и опередил Могилёв. Развитие промышленности увеличило доходы города. Сборы в городскую казну с промышленных предприятий возросли с 1858 г. по 1900 г. от 10 до 90 тыс. рублей.

Правда, очень незначительная часть городского бюджета направлялась на медицину, просвещение и другие социально-бытовые нужды. В 1897 году грамотность по Брестскому уезду составила 28.9%. В городе функционировала только одна больница на 15 коек, отсутствовал водопровод, канализация. Но уже заметно стал меняться облик города: появилось много двухэтажных значительных по размеру каменных зданий, расширялась его территория. После строительства в 1886 году здания железнодорожного вокзала от него к центру города и крепости стали прокладываться новые улицы.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ НЕДВИЖИМОСТИ ЗГВ, ИЛИ БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ПАУШАЛЬНОМУ ВАРИАНТУ

М. В. Стрелец

*Экономический факультет, БПИ,
г. Брест, Республика Беларусь.*

31 августа 1994 года последний российский солдат покинул Восточную Германию. Еще раньше был решён вопрос о судьбе недвижимости Западной группы войск (ЗГВ). До сих пор среди историков, политологов, политиков, военных, представляющих постсоветское пространство, превалирует следующая точка зрения: Кремль, поставив итоговую точку, предал национальные интересы России.

При этом делается упор на том, что же Москва потеряла. Российский военный журналист М. Болтунов пишет: «Мы построили здесь (в Восточной Германии. - М.С.) полностью или частично 777 военных го-

родков, 526 складов и баз, 3422 учебных центра и полигона, 47 аэродромов. Мы оставили, уходя из Германии, 20 тысяч квартир». ¹ Этот факт соответствует истине. Если его брать вне контекста германских ответных претензий, то вполне напрашивается следующий вывод: Бонн должен был заплатить Москве огромные деньги.

В ходе разработки договорных основ объединения Германии в высказываниях советских официальных лиц фигурировала сумма 30 миллиардов марок.

9 октября 1990 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ и министр финансов ФРГ скрепили своими подписями межправительственное соглашение о некоторых переходных мерах.

В статье 7 данного документа читаем: «...определение состава и стоимости недвижимого имущества, построенного за счёт средств советской стороны... осуществляется специально создаваемой для этого советско-германской комиссией. Она также определяет формы реализации этого имущества».

С точки зрения своей компетенции к этому соглашению должны были прежде всего иметь отношение как Министерство внешнеэкономических связей (МВЭС), так и командование Западной группой войск. Однако высшее государственное руководство СССР вверило судьбу недвижимости ЗГВ только в руки МВЭС, наделив командование ЗГВ весьма скромными полномочиями.

Данный вопрос не исчез с повестки дня и после того, как правопреемником бывшего СССР стала Россия. Немцы не уклонялись от его цивилизованного решения. Они приводили убедительные аргументы, которым российская сторона не могла ничего противопоставить. Во-первых, Москва не смогла дать реальное экономическое обоснование цифры 30 млрд. марок. Получалось, что эта сумма взята с потолка. В 1992 году Кремль вел уже речь о 10.5 млрд. марок, придерживаясь германской методики и цен. Во-вторых, базируясь на объективных экономических законах, немцы дали понять, что и сумма в 10.5 млрд. марок не может считаться окончательной.

Главнокомандующий Западной группой войск М.П.Бурлаков вспоминал: «Первый урок рыночной экономики мне преподавал статсекретарь господин Карстенс. Он, в частности, сказал следующее: «Господин главнокомандующий! Если Вы только начинаете жить в рыночной экономике, то мы уже живем в ней. Я позволю Вам заявить, что

цена в рыночной экономике определяется не затратами и стоимостью объекта, а спросом. И потому, какую цену дадут наши бизнесмены, столько и стоит ваше имущество».¹⁰

Разве можно было ставить знак равенства между домом, построенным высококвалифицированными немецкими строителями и домом, построенным личным составом стройбата Советских Вооруженных Сил?

В-третьих, почти полувековое советское (российское) военное присутствие в Восточной Германии нанесло серьёзный вред окружающей природной среде. Исходя из норм и принципов международного права, соответствующих статей германского экологического законодательства, Бонн правомерно ставил перед Москвой вопрос о возмещении экологического ущерба. Была проведена тщательнейшая экологическая экспертиза. Бонн выделил для данных целей 70 миллионов ДМ. Федеральное правительство воспользовалось для этого важного дела услугами фирмы ИАБГ, имеющей серьёзную репутацию.

По итогам данной экспертизы появились объёмистые тома, с которыми была ознакомлена российская сторона. Заметим, что в Западной группе войск не нашлось ни одного специалиста, который бы смог на равных говорить с немецкими экологами и экспертами в области экологического права.

Конечно, Россия только выиграла бы, если бы ее представители провели параллельную экологическую экспертизу, не уступающую по своему уровню германской. Однако этого не произошло.

Проявив высокий профессионализм, немцы убедительно доказали, что указанный экологический ущерб исчисляется не одним миллиардом марок. С точки зрения данного ущерба оказалось, что германская сторона ничего не должна России.

Не имея в своем запасе серьёзных контраргументов, президент России Борис Ельцин «уже в ноябре 1991 года на встрече в Бонне предложил так называемый паушальный вариант».¹¹

16 декабря 1992 года президент России и федеральный канцлер подписали Совместное заявление, в котором, в частности, говорилось: «Недвижимое имущество, построенное за счёт средств бывшего Союза Советских Социалистических Республик на земельных участках, являющихся германской собственностью, передаётся германским вла-

стям.... В связи с этим стороны отказываются от предъявления друг к другу претензий...»

Данные претензии могли коснуться и событий, которые происходили во второй половине 40-ых годов. Речь идет о реализации Советской Военной Администрацией в Германии (СВАГ) сталинского лозунга: «Пограбим Германию!»

Обратимся к фактам. Факты, как говорят, упрямая вещь. «Впечатляет, например, вес вывезенного (в СССР - М.С.) промышленного оборудования - 4612000 тонн; оно в своём большинстве соответствовало высоким техническим требованиям. Много промышленных объектов, не подвергшихся демонтажу, было передано в собственность созданным на территории зоны Советским акционерным обществам. СССР завладел также германскими активами в странах, оккупированных Красной Армией, и оказавшимися в его распоряжении патентами. Кроме того, он получал репарации из текущего производства».^{iv}

По приказу из Москвы из Восточной Германии вывезли «21834 вагона вещевого и обочно-хозяйственного имущества, 72493 вагона стройматериалов и предметов квартирного обустройства (в том числе более 60 тыс. роялей и пианино, свыше 188 тыс. ковров, более 941 тыс. предметов мебели, 88 вагонов посуды, преимущественно фарфоровой, свыше 458 тыс. радиоприемников, около 265 тыс. настенных и настольных часов), ... большое количество гражданской обуви, женских платьев, белья, мехов, шерсти и т.п.»^v

Таким образом, альтернативы паушальному варианту не существовало.

ⁱ Болтунов Михаил. ЗГВ: горькая дорога домой. //Республика, 1995, 22 верасня, № 201.С.11.

ⁱⁱ Бурлаков М.П. Возращение. Записки Главнокомандующего Западной группой войск. Союз ЗГВ. М.,1994.С.33.

ⁱⁱⁱ Болтунов Михаил. ЗГВ: горькая дорога домой. Санкт-Петербург, из-во «Шанс», 1995. С.117.

^{iv} Гинцберг Л.И. Оккупация Восточной Германии - без ретуши. // Мировая экономика и международные отношения, 1997, № 4.С.157.

^v Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., «РОССПЭН», 1995.С.177.